

Национальная специфика ценностных концептов русского и польского языков

АНАСТАСИЯ ГОЛОВАНОВА
Пермский государственный университет

RESUMEN

El objeto de este artículo es presentar a base de un análisis lingüístico el cuadro del sistema nacional de valores relacionados con el hombre en polaco y en ruso. Trabajo, desocupación, riqueza y pobreza son importantes valores-conceptos, que determinan la vida del hombre. Están incluidos en el sistema nacional de valores, que se puede dividir en cuatro subsistemas: ético, estético, utilitario y hedonístico.

Se presentan los puntos de vista nacionales que determinan los elementos más relevantes de estos conceptos y su lugar en los subsistemas de valores polaco y ruso.

PALABRAS CLAVE: Sistema nacional de valores, visión del mundo, ruso, polaco.

ABSTRACT

The paper deals with the problem of national representation of system of values in Polish and Russian linguistic pictures of the world. *The labor, the idleness, the wealth, and the poverty* are very important values – concepts, which determine the entire human lifetime. All these concepts are included in the national system of values, that can be divided in four subsystems: ethic, aesthetic, utilitarian and hedonistic.

The paper reveals the main connotative elements of these concepts, the national points of view by which the elements are determined, and the place of these concepts in subsystems of the Polish and Russian national systems of values.

KEY WORDS: The linguistic picture of the world, the world view, the national system of values, Russian, Polish.

Цель нашей работы – выявить на основе анализа языковых данных отражение в языковой картине мира национальной системы ценностей, воплощающей представления о человеке. Ценность мы понимаем как

абстрактную сущность, являющуюся «воплощением конкретных форм ценностного отношения человека к миру»¹.

На наш взгляд, в состав концептуальной картины мира необходимо включить идеализированный компонент, который мы предлагаем называть **ценностной картиной мира (ЦКМ)**, представляющей собой систему ценностных отношений к познанной действительности. В таком случае концептуальная картина мира (ККМ) будет отражать гносеологический аспект деятельности человека, а ЦКМ – аксиологический. При этом первичной является ККМ, а ЦКМ – вторичной, т.к. ценностные отношения могут возникать только по отношению к познанному.

ЦКМ имеет свои внутренние подсистемы, образуемые четырьмя типами ценностей: этическим, эстетическим, утилитарным и гедонистическим. Эти подсистемы могут вступать в сложные взаимоотношения. Н. Д. Арутюнова замечает по этому поводу, что «реальный мир один и един. Идеальный мир вариативен. Он распадается на множество возможных миров»².

Основной структурной единицей ЦКМ, как и ККМ в целом, является концепт. Однако смысловую вершину ценностного концепта составляет оценочный компонент. Концепт, как показано многими исследователями, не является одномерным понятием. Один и тот же элемент ЦКМ может входить в различные подсистемы, выступая иногда даже в противоположных качествах относительно ценностной шкалы. Он может быть носителем гедонистической ценности и этической антиценности или носителем утилитарной ценности и эстетической антиценности. Он также может входить в одну подсистему и не входить в другие. Кроме того, элементы ЦКМ образуют сложные иерархические структуры внутри одной подсистемы.

Итак, ценностную картину мира мы определяем как часть концептуальной картины мира преимущественно в наивном ее варианте, в которой закреплена система ценностных отношений членов лингвокультурной общности к действительности.

ЦКМ получает свое отражение в языковой картине мира. Одной из особенностей концептов ценностной системы является то, что они, будучи преимущественно абстрактными сущностями, способны восприниматься как объективно существующие только через слово. Именно наличие слова, именующего данную сущность, позволяет воспринимать ее как находящуюся **вне** человеческого сознания. Поэтому «сложность этических понятий обуславливается отсутствием у них какой

¹ КАГАН: 55.

² АРУТЮНОВА: 218.

бы то ни было физической опоры в материальном мире, если не считать такой опорой звуковую (материальную) форму слова»³.

Как писал В. фон Гумбольдт, «слово не служит оболочкой для законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовать понятие собственными силами, определяя лишь, как это сделать»⁴. Поэтому еще одной особенностью имен абстрактных сущностей является их существование в двух модусах: «в культуре (коллективном сознании, взятом в его исторической перспективе) и в индивидуальном сознании (уровень личного смысла)»⁵. Национальная языковая картина мира включает в себе именно культурный модус существования абстрактного имени, сохраняя наиболее общий смысл слова, который А. А. Потехня называл ближайшим значением. В силу специфики идеального объекта, инвариантное значение слова, ему соответствующего, составляет лишь часть общего значения. Другая, иногда большая, часть формируется на основе жизненного опыта говорящего. Особенно это касается слов, обозначающих этические и эстетические нормы. При этом язык, как материальный субстрат таких понятий, накладывает на их восприятие определенные рамки. В системе языке за многие века ее существования отразились и сохранились знания и представления народа, язык превратился в «самостоятельную составляющую данной культуры»⁶. Поэтому, заключает Л. О. Чернейко, «личный смысл абстрактного имени (в идиолекте) существует на фоне интуитивно осознаваемого надиндивидуального смысла языка»⁷. В языковой картине мира зафиксированы основные параметры, определяющие понимание и оценки понятия, укоренившиеся в данной культурно-языковой общности, причем эти оценки могут быть диаметрально противоположными. С. Е. Никитина пишет относительно фольклорных текстов: «Народная аксиология многослойна: системы ценностей, представленные в разных по времени и характеру фольклорных текстах, не тождественны»⁸. Дело в том, языковая картина мира (в наивном варианте закрепленная также в фольклорных текстах) включает в себе различные точки зрения на абстрактный предмет или явление (воспринимаемые всегда с определенной точки зрения), из которых говорящий выбирает вариант, соответствующий его мировоззрению и ситуации. Именно поэтому мы можем говорить об универсальности и многогранности языковой картины мира. Как пишет

³ ЧЕРНЕЙКО: 122.

⁴ ГУМБОЛЬДТ: 84.

⁵ ЧЕРНЕЙКО: 128.

⁶ ЦИВЬЯН: 49.

⁷ ЧЕРНЕЙКО: 148.

⁸ НИКИТИНА: 149.

Л. О. Чернейко, «объективную картину рисует «совокупный» художник, отражает «совокупный» наблюдатель. И этот наблюдатель – язык»⁹. Анализ языковых данных позволяет выделить, в зависимости от точек зрения, несколько семантических компонентов, обуславливающих место понятия в ценностной языковой картине мира. Такие компоненты можно рассматривать как профиль понятия в терминологии Е. Бартминского, а различные сочетания этих компонентов – как языковые модели интерпретации в терминологии Е. С. Яковлевой.

Как уже было отмечено, ЦЯКМ строится на основе коннотативного элемента значения языковых единиц, поэтому объектом нашего исследования являются слова, в значении которых данный аспект выражен достаточно ярко. Кроме того, мы при анализе семантических полей ЦЯКМ мы использовали значения фразеологизмов. Соотношение в значении этих единиц денотативного и оценочного компонентов позволяет судить о национальной системе ценностей, воплощенной в языковой картине мира. При этом мы анализируем только те оценочные коннотации, которые присутствуют в ближайшем значении слова, обеспечивающем процесс понимания между носителями одного языка. Однако существенным недостатком оценочной коннотации как средства передачи информации о ЦКМ является ее биполярность. Оценочный компонент указывает только на отнесение объекта к носителям ценности (мелиоративное значение) или носителям антиценности (пейоративное значение), но при этом тип ценностного отношения (гедонистический, утилитарный, эстетический или этический) остается неназванным. Поэтому мы сочли необходимым включить в состав семантического поля ЦЯКМ единицы паремиологической системы языка.

На основании анализа лингвистического материала представляется возможным выявить общие основания национальной системы ценностей в том виде, в каком они закрепились в языке, со всеми возможными вариантами интерпретации. Кроме того, как уже было отмечено, особенностью ценностных концептов является их взаимообусловленность, поэтому полная картина может быть получена только при условии рассмотрения взаимосвязей и противопоставлений различных трактовок этих концептов.

В настоящей работе представлен анализ языковых реализаций ценностных концептов *труд*, *праздность*, *богатство*, *бедность* в русской языковой картине мира и соответствующих им концептов *praca*, *próżniactwo*, *bogactwo*, *ubystwo* в польской языковой картине мира.

Слова, воплощающие ценностное отношение к понятию *труд*, могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Положительная оценка содержится в лексическом значении самого слова

⁹ ЧЕРНЕЙКО: 190.

труд и глагола *трудиться*, что проявляется в контекстах *трудиться на благо Родины, жить своим трудом*, в значениях пословиц и поговорок. Отрицательная оценка содержится в стилистических синонимах слов *труд* и *трудиться*, таких как *ломить, ишачить, горбатиться*, в значениях фразеологических оборотов *тянуть лямку, работать не разгибая спины, работать до кровавого пота*, а также в пословицах и поговорках. Возникает закономерный вопрос, какие семантические компоненты обуславливают положительную и отрицательную коннотацию. *Труд* воспринимается как почти исключительно физическая деятельность человека, направленная на получение результата, чаще всего в виде пищи и материальных благ (*в поте лица добывать свой хлеб, На ниве потей, в клети молись, с голоду не помрешь*). Этот аспект воплощает утилитарную точку зрения на *труд*. В этическом аспекте это деятельность, являющаяся предназначением человека (служение Богу) (*труды праведные, Бог труды любит; Божья тварь Богу и работает*). (Однако человек не может быть уверен в том, что его деятельность будет достойно вознаграждена: *От трудов праведных не нажить палат каменных*). С этой точки зрения *труд* является ценностью, поэтому слова *труд, трудиться*, а также их производные (*трудолюбивый, трудолюбие, трудящийся* и др.) содержат обычно положительно-оценочные коннотации; в представлениях русских не является ценностью бесполезный, не приносящий результата *труд, труд на хозяина, господина* (*От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь; От работы не будешь богат, а будешь горбат*) (утилитарная точка зрения), а также слишком усердный и слишком изнурительный *труд* (*Ретивая лошадка недолго живет; Ретивый надсадится; работать как вол, заржавеет у дела, завалиться за делом, умирать за делом*) (гедонистическая точка зрения). Для выражения этих представлений служат многочисленные синонимические выражения (*ишачить, горбатиться, работать как папа Карла, вкалывать, ломить*), содержащие более или менее экспрессивные отрицательно-оценочные коннотации.

Концепт *праздность* вступает в отношения противопоставления с концептом *труд*. В определении *праздности* как объекта ценностного отношения можно выделить следующие компоненты: во-первых, *праздность* разделяется на активную, определяемую как деятельность, не направленную на получение результата, что закреплено в значении таких единиц, как: *лоботряс, шалопай, шалопут, лоботрясничать, баклушничать, бить баклуши, шалопайничать; Из лука – не мы, из пищали – не мы, поплясать – против нас не сыскать; И козлу недосуг: надо лошадей на водопой провозжать; Ходит да походя бобы разводит; Кнуты вьет да собак бьет; Пошел слонов продавать; Пошел черных кобелей набело перемывать*, – и пассивную *праздность*, вызванную

ленью (*трутень, лень, леность, безделье, праздность, бездельничание, ничегонеделание, бездельничать, лентяйничать, лодырничать; Сидеть, поджав руки; У него руки висят отболтались; Сидит Елеса, ноги свеса; Лежит на боку да глядит за реку*). И тот, и другой тип праздности не считается ценностью с утилитарной точки зрения, т.к. не позволяет добывать пищу (*Пролениться – и хлеба лишиться; У ленивого что на дворе, то и на столе; Работать не заставят, и есть не посадят; Поваля, Бог не кормит; На полатях лежать, так и ломтя не видать; Лень мужика не кормит; Лень не кормит, а только портит*) и не позволяет добиться богатства (*Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал; От шаты да баты не будем богаты; Глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь*), и поэтому человек, который хочет есть, но при этом отказывается трудиться, заслуживает неодобрения. Еще одним отрицательно оцениваемым свойством ленивого человека с утилитарной точки зрения является его некооперативность, склонность перекладывать свой труд на чужие плечи (*Один собирает, другой зевает; Один с сошкой, а семеро с ложкой; Двое пахнут, а семеро руками машут*). Кроме того, праздность оценивается отрицательно с этической точки зрения, т.к. несоответствует природе человека и приводит к порокам (*Ленивый и могилы не стоит; Без дела жить – только небо коптить; Праздность – мать пороков; Лень добра не деет; Лень к добру не приставит*).

Однако в русском языке безделье может оцениваться положительно. Это связано, во-первых, с гедонистической точкой зрения: безделье доставляет удовольствие и поэтому может считаться естественным состоянием человека, вынужденно нарушаемым для удовлетворения материальных потребностей (*Есть потешно, а работать докучно; Как ни мечи, а лучше на печи; Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа; Когда б не еда да не одежда, так мы бы лежа отдувались; Коли б не еда да не одежда, так мы б и опузырились лежа*). Во-вторых, лень часто представляется в образе внешней силы, действию которой человек не в силах противиться (*лень напала* (никогда не говорится *напало трудолюбие*); *Послал Бог работу, да отнял черт охоту*). Это также считается оправданием безделья. Однако положительная оценка безделья не закреплена в значении отдельных лексических единиц.

Таким образом, мы видим, что ценностное определение безделья очень тесно связано с определением ценности труда (ведущим является утилитарное основание оценки: полезного результата можно добиться только трудом), а языковые единицы, являющиеся компонентами одного семантического поля, входят также и в состав другого поля, часто дополняя общую картину структуры значения.

С концептами *труд* и *бедность* непосредственно связаны также концепты *богатство* и *бедность*. Ключевым в интерпретации понятия богатства является утилитарное основание. *Богатство* воспринимается как средство достижения различных целей (*Золото не говорит, да много творит; Денежка не Бог, а бережет; Денежка не Бог, а полбога есть; После Бога – деньги первые; Стоит крикнуть да денежкой брякнуть – все будет*), получения пищи (*Есть в мошне, так будет и в квашне; В мошне густо, так и дома не пусто; Есть грош, так будет и розжь; Есть в амбаре, будет и в кармане*), социального положения (*За свой грош – везде хорош; У кого колос, у того и голос; Дай грош, так и будешь хорош; И слова не скажи, только грош покажи; С деньгами мил, без денег постыл*). Этими факторами обусловлено наличие положительной коннотации у слов: *богатый, богатство, состоятельный, обеспеченный, зажиточный, зажиточность, денежный*.

Однако в связи с представлением о том, что богатство не может быть нажито честным трудом, с этической точки зрения оно оценивается отрицательно, как признак нравственного падения (*Деньги, что камня: тяжело на душу ложатся; Богатый совести не купит, а свою губляет; Ведь я не на богатого мужика илжю, а на Бога; Хлеб с водою, да не пирог с лихвою; Деньгами души не выкупишь; Пусти душу в ад, будешь богат*). Кроме того, богатство считается источником своего рода заботы и беспокойства, и поэтому с гедонистической точки зрения может выступать как носитель «антиценности» (*Лишние деньги – лишняя забота; Деньги – забота, мешок – тягота; Богатому не спится; богатый вора боится; Мамон гнетет, так и сон неймет; Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах; Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи, бедняк чего ни хлебнет, да заснет; Много денег – много и хлопот; Богатому сладко естся, да плохо спится*). Все эти модели интерпретации обуславливают наличие отрицательной коннотации у слов и выражений *богатеи, толстосум, денежный мешок, набивать карман, набивать мошну (кошелек), греть руки, обогащаться, разжигаться, наживать*.

Ценностная трактовка понятия *бедность* обусловлена ценностными отношениями к концепту *богатство*. В основании оценки денного концепта как носителя ценности лежит этическая точка зрения. Если богатство несовместимо с соблюдением морально-нравственных норм, то бедность, напротив, считается признаком праведного поведения (*И бедный украдет, да его Бог прощает; Гол, да не вор; Гол, да праведен; Гол да наг – перед Богом прав; Гольный – что святой: беды не боится; Бедность – святое дело; Хоть мошна пуста, да душа чиста; Гол, да не вор; беден, да честен; Богат, да крив, беден, да прям; Лучше нищий праведный, чем богач ябедный*). С гедонистической точки зрения

бедность также оценивается положительно, т.к. избавляет от больших забот (*Денег нет, так подушка под головой не вертится; Богатство с деньгами, голь с весельем; Хоть есть нечего, да жить весело; Не о чем тужить, как нечего прожить*). Однако данные представления не закреплены положительной коннотацией отдельных лексических или фразеологических единиц. Значительно чаще с гедонистической точки зрения бедность – как источник страданий – оценивается отрицательно (*Худо жить тому, у кого ничего нет в дому; Худо жить тому, кому послал Бог суму; Из щеп похлебки не сварить; Бедность не порок, а несчастье; Бедность не порок, а вдвое хуже; Бедность всего хуже; Бедность в клюку гнет; Нищета пуце смерти*). Важную роль в отрицательной оценке бедности играет также утилитарная точка зрения – бедность не дает средств к существованию (*Из бороньего зуба щей не сварить; На что и жить, коли нечего ни есть, ни пить; Как мошна пуста, так запекутся уста; Запеклися уста, что мошна пуста; Пыль да копать, а нечего лопать*). Эти модели интерпретации данного концепта обусловили наличие отрицательных коннотаций у слов и выражений *голытьба, голь перекатная, голяк, голоштанник, беспорточник, нищенствовать, побираться, попрошайничать, побирущничать, бедность, нищета, убожество, беднота, бедный, бедняк, гол как сокол, ни гроша за душой*.

На основе проанализированных языковых репрезентаций концептов *труд, безделье, богатство, бедность* можно сделать следующие выводы о их месте в общей национальной системе ценностей. В этической подсистеме абсолютными ценностями являются *труд* и *бедность*, их противоположности являются антиценностями. В утилитарной подсистеме абсолютной ценностью является *богатство*, *труд* может выступать как носителем ценности, так и антиценности, в зависимости от его результатов. *Безделье* и *бедность* являются в данной системе абсолютными антиценностями. В гедонистической подсистеме абсолютной ценностью является *безделье*. Богатство может быть носителем как ценности, так и антиценности. *Труд* и *бедность* оцениваются с этой точки зрения как антиценность. Все эти взаимообусловленные варианты интерпретации, закрепленные в языке, являются результатом неоднозначного ценностного отношения русского человека к миру.

В польском языке слова и выражения, воплощающие ценностное отношение к понятию *praca* (*труд*), могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Этот концепт в польской языковой картине мира включает в себя следующие модели интерпретации: это деятельность, чаще всего физическая, направленная на получение результата в виде пищи (*Kto ma ręce do pracy, ten się naję kołaczy, Kto*

pracuje, głodem nie umrze, Pracuj jak mrywka, głodu nie doświadczysz) и материальных благ (*Praca od ubystwa strzeże: kto nie sieje, nic nie zbierze, Praca pozłaca, Praca wzbogaca, Pracuj jak wół, żyj jak król, Praca sama sobie płaci*) и поэтому поддерживающая процесс жизнедеятельности человека. В морально-нравственном аспекте это предназначение человека, одна из целей его жизни; посредством трудовой деятельности, человек осуществляет свое служение Богу (*Kto pracuje, ten się modli, Kto pracuje, Boga chwali, Człek do pracy stworzon, ptak do lotu, Praca doskonali cnotę*). Соотношение между утилитарным и этическим основаниями оценки труда воплощен в пословице *Praca dla Pana Boga, pożytek dla ludzi*. Эти факторы обусловили представления о том, что *praca* (труд) является ценностью, и были закреплены в положительной коннотации таких языковых единиц, как *pracowity, pracowitość ogromna, pracownik dobry*. С другой стороны, *praca* (труд) могут оцениваться отрицательно в том случае, если труд является бесполезным (*Nie miła taka praca, za ktyrą nie bywa płaca; Leniwo każdy pracuje, gdy pożytku mało czuje; Roboty dość, a pożytku mało*) или слишком изнурительным (*pracuje jak ostatnia najemnica, pracuje jak w pługu, znyj nad siły ludzkie, Od roboty konie i woły zdychają*). Утилитарный и гедонистический компоненты значения получили отражение в отрицательных коннотациях таких слов и выражений, как *zpracowywać się, przepracowywać się, zamęczyć się pracą, daremny, próżny trud, orka, harywka, znyj, niewydajny pracownik*.

Место праздности в польской ценностной языковой картине мира также может быть определено с различных точек зрения. *Próżniactwo* может быть активным и пассивным. Представление о пассивной праздности как следствии природной лени и ее отрицательная оценка закреплены в значении следующих языковых единиц: *leniuchować; podpierać ściany, piec; leżeć do gyry brzuchem; choruje na lenia; mieć lenia*. Активная праздность воспринимается как видимость деятельности, бесполезная активность. Она также оценивается отрицательно: *walkonić się; zbijać bąki; obijać (szlifować) bruki*. В польской ЯКМ *próżniactwo* (праздность) оценивается отрицательно с утилитарной точки зрения, так как отсутствие деятельности или ее видимость не позволяют человеку обеспечить себя пищей (*Kto nie chce pracy znieść, ten nie ma co jeść; Kto nie chce pracować, ten szydłem chleb je; Próżnowanie nie utuczy*), приводит к нищете (*Kto nie robi, prosić mus; i Kto zmlódu nie chce robić, słusznie na starość zebrze; Próżnowanie w rychłą nędzę przywoździ; Z lenistwa pochodzi ubystwo*). С этической точки зрения *próżniactwo* (безделье) противоречит предназначению человека (*Próżniak nie wart kawałka chleba; Próżnowanie nikczemnym czyni człowieka i połowe ujmuje wieka*) и приводит к порокам (*Próżnowanie jest początkiem wszystkiego złego (grzechywno); Próżnowanie do piekła drogę prostą ściele; Próżnowanie podłym jest niecnót zarodkiem*).

Как уже было отмечено, с концептами *praca* и *próżniactwo* непосредственно связаны концепты *bogactwo* (богатство) и *ubystwo* (бедность). Как и в русском языке, основным в интерпретации понятия богатства является утилитарный тип ценностного отношения: *bogactwo* воспринимается как средство достижения различных целей (*Bogactwa wiele mogą; Kto ma bogactwa, ma wszystko; Grosz śpiewa, grosz dzwoni, grosz kadzi; Najlepsza pomysł w nieszczęściu — pieniądze*), получения пищи (*Kto pieniądze ma, je z pierogiem szynkę, a kto ich nie ma, ten połyka ślinkę*), высокого социального положения (*Bogaty zawsze na wierzchu; Każdy pan za swoje trzy grosze; Każdy chorosz za swój grosz; Kto ma pieniądze, ten jest pan, a kto ich nie ma, ten jest kapcan*). Этими факторами обусловлено наличие положительной коннотации у слов и выражений: *bogaty jak sultan turecki, bogaty jak szach perski, bogaty jak ziemia, zamożny, majątny*.

Однако с этической точки зрения богатство оценивается отрицательно, как признак нарушения нравственных норм (*Bogactw przybywa, cnoty ubywa; Bogactwa często powód do złego; Bogaczowi diabli sypią; Nie każdy dobry, kto bogaty; Bogaty albo sam jest niesprawiedliwy, albo niesprawiedliwego potomek*). Кроме того, богатство также считается источником своего рода заботы и беспокойства, и поэтому с гедонистической точки зрения может восприниматься как «антиценность» (*Mało bogactwa, mało troski; Mało bogactwa, mało kłopotu; Nie zasypia w nocy śmieje ten, kto ma pieniędzy wiele; Wielkie pieniądze, wielki kłopot*).

Ценностная трактовка понятия *ubystwo* (бедность) тесно связана с концептом *bogactwo*. В основании оценки бедности как объекта ценностного отношения лежит утилитарная точка зрения – бедность не дает средств к существованию (*Ubogi mało mięsa miał, to i w piątek zjadł; Ubogi nie ma tego, owego, a bogacz łakomy wszystkiego; Ubogi nie przebiera; Ubogi tego nie ma, o czym bogaty nie wie*). Важную роль в отрицательной оценке бедности играет также гедонистический тип ценностного отношения. С этой точки зрения бедность – как источник страданий – оценивается отрицательно (*Za ubogim wszędzie śniega, wszędzie zima; Ubóstwo jest jako trąd, który łatwo przylega, a wyleczyć się z niego trudno; Ubóstwo śmierci się równa; Biednemu drzwi się twarde wszędzie otwierają; Nędznego wieszają, bogatego wolno puszczać; Kto wchodzi bez groszy, kij go wypłoszy; Nędzemu śmierć pociecha*). Эти модели интерпретации данного концепта обусловили наличие отрицательных коннотаций у слов и выражений: *ubogi, nędzny, żebrak, ubogi jak mysz kościelna, groszem nie śmierdzi, ma tyle pieniędzy, co Żyd świń, bogaty jak patyk w lesie*.

На процесс положительного оценивания данного концепта оказывает значительное влияние этическая точка зрения. Если богатство

несовместимо с соблюдением морально-нравственных норм, то бедность, напротив, считается признаком праведного поведения (*Na biednych świat stoi; Ubogi sławy nie traci; Ubystwo cnoty nie traci; Nędznemu do Boga jest ubita droga; Ubogi cierpliwy; Nie hańbi ubystwo, ale niecnota i głupstwo; Nie ubogich, ale złoczyńcyw wieszają*). При этом бедность в польской языковой картине мира не считается оправданием нарушения нравственных норм (*Ubystwo z niestawą cięższe; Ubystwo złodziejska pokrywka; Ubogi z nędzy grzeszy; Żebrak z próżniactwa – kandydat na złodzieja*). С гедонистической точки зрения бедность также оценивается положительно, т.к. избавляет от больших забот (*Ubogi częściej i prawdziwiej wesoły; Ubogi swobodny; Ubóstwo z bezpieczeństwem w jednej mieszka kuczy; bogactw nie upilnują rotami hajducy; Ubóstwo góruje nad zazdrością, nie trzeba mu się obawiać ani zbójców, ani złodziejów; Ubogi wszędy bezpieczny; Zawszyć przepieczten ubogi, nikt mu nie zasiędzie drogi*). Однако данные представления не закреплены положительной коннотацией отдельных лексических или фразеологических единиц, что позволяет говорить о преобладании отрицательной оценки данного понятия в сознании носителей польского языка.

На основе проанализированных языковых репрезентаций концептов *praca*, *próżniactwo*, *bogactwo*, *ubystwo* можно сделать следующие выводы о их месте в общей национальной системе ценностей. В этической подсистеме абсолютными ценностями являются *praca* и *ubystwo*, их противоположности являются антиценностями. В утилитарной подсистеме абсолютной ценностью является *bogactwo*, *praca* может выступать носителем как ценности, так и антиценности, в зависимости от результатов труда. *Próżniactwo* и *ubystwo* являются в данной подсистеме абсолютными антиценностями. В гедонистической подсистеме *bogactwo* и *ubystwo* могут быть носителями как ценности, так и антиценности. *Praca* оценивается с этой точки зрения как антиценность. Концепт *próżniactwo* не включается в данную подсистему.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом данные русского и польского языков позволяют говорить о схожести систем ценностей, закрепленных в национальных ценностных картинах мира. Однако эти системы не являются тождественными. Так, например, в русской системе ценностей концепт праздность входит в состав гедонистической подсистемы, являясь в ней ценностью. Данные о включенности данного понятия в эту же подсистему польской ценностной языковой картины мира отсутствуют.

Кроме того, на основе проанализированных языковых данных становится очевидным, что место отдельного ценностного концепта может быть определено только при учете разных точек зрения на этот

концепт (соответствующих четырем типам ценностных отношений), а также отношений этого концепта с другими элементами ценностной языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Язык и мир человека*, Школа «Языки русской грамматики», Москва.
- ГУМБОЛЬДТ, В. фон (1984): *Избранные труды по языкознанию*, пер. с нем., Наука, Москва.
- КАГАН, М. С. (1997): *Философская теория ценности*, Индрик, Санкт-Петербург.
- НИКИТИНА, С. Е. (1993): *Устная народная культура и языковое сознание*, Наука, Москва.
- ЦИВЬЯН, Т. В. (1990): *Лингвистические основы балканской модели мира*, Наука, Москва.
- ЧЕРНЕЙКО, Л. О. (1997): *Лингвофилософский анализ абстрактного имени*, Издательство Московского университета, Москва.